

Валдайские
записки

#19 | Июнь 2015

Справедливая Война и Гуманитарная Интервенция

Себастьяно Мафкеттоне

1. В этом исследовании я излагаю свой вариант теории справедливой войны и делаю попытку включить в него нормативный анализ понятия гуманитарной интервенции. Хотя в принятом мною подходе к теории справедливой войны и учитывается широко известная традиция, он приведен в соответствие с политической философией либерализма, утвердившейся в наше время.

Основные тезисы:

- (i) Изложение классической теории справедливой войны;
- (ii) Из (современного) легалистского толкования понятия справедливой войны явствует, что справедливая война – это война оборонительная;
- (iii) По этой теории следует проводить различие между справедливым основанием и правомочием на ведение войны;
- (iv) Следует также различать двухвалентные случаи (государство А нападает на государство Б, и это дает государству Б право на ответное нападение) от случаев, в которых правило двухвалентности не действует, как при террористических актах или нарушении прав человека (здесь такие случаи называются «косвенными»);
- (v) Справедливое основание в двухвалентном случае одновременно означает и наличие правомочия;
- (vi) В косвенных случаях справедливое основание и правомочие не всегда совпадают. Если, как в Косове, имеет место геноцид, то существует и презумпция справедливого основания, говорящая в пользу вмешательства, однако достаточными основаниями (*prima facie*), дающими право на такое вмешательство, ни одно государство вследствие этого не обладает;
- (vii) Проще всего разрешить проблему правомочия путем обретения легитимации через посредство формальных процедур (законность). Однако международное законодательство, основанное на формуле «пока обстоятельства не изменились» (*rebus sic stantibus*), в данном случае не работает.
- (viii) Это подразумевает то, что в косвенных случаях легитимация правомочия должна отличаться от законности. Легитимация в значительной степени зависит от конкретных обстоятельств.
- (ix) Если существует справедливое основание, то допустимо предположить, что иной раз государство может действовать в изоляции, но при этом его действия останутся легитимными. Возможность такого варианта легко представить в ситуации, когда необходимо прийти на выручку гибнущим людям (например, если бы какое-либо государство захотело вмешаться в ситуацию в Руанде в 1994 году в целях предотвращения геноцида);
- (x) Обратите внимание на совпадение простейшего случая (двухвалентность) и наиболее сложного случая (односторонняя легитимация);
- (xi) В заключение я показываю, почему мой вариант теории не позволяет оправдать американское вторжение 2003 года в Ирак.

2. Основное разграничение в рамках теории справедливой войны проводится между *jus ad bellum* (нормы права, регулирующие законность применения силы или вступления в войну) и *jus in bello* (правила ведения войны).¹ Это традиционное различие изложено с элегантною простотой Майклом Уолцером: «О войне всегда судят дважды: сначала рассматриваются причины, побудившие государства к развязыванию войны, а потом – используемые ими средства. Первое суждение имеет характер прилагательного: мы говорим, что данная война является справедливой или несправедливой. Второе имеет характер наречия: мы говорим, что война ведется справедливо или несправедливо. Оба вида суждений логически взаимосвязаны. Вполне возможно, что справедливая война ведется несправедливо, а несправедливая – справедливо и в строгом соответствии с правилами».²

3. Классическая теория справедливой войны коренится в средневековой теологической мысли, хотя у нее есть предшественницы и в классической древнегреческой философии. Аристотель вслед за Платоном ввел в свое сочинение «Политика» термин «справедливая война», на что его вдохновила мысль о диалектическом взаимодействии между состоянием изменения и покоем. Классическими элементами такого *in pace* естественного закона, на котором покоится концепция Аристотеля, являются уважение неприкосновенности границ, отказ от уничтожения посевов, закрепление за каждым (в том числе и за рабами) определенного места в обществе, и т.д. В сочинениях Цицерона, в частности «Об обязанностях» (*De Officiis*) и «О государстве» (*De Republica*), излагается платоновско-аристотелевская и эллинистическая теория справедливой войны, приспособленная к потребностям империалистического и экспансионистского государства, каковым был Рим, нуждавшийся в войне как в средстве сохранения и укрепления своего владычества.³ Таким вот образом филантропия стойков и преобразовалась в *humanitas* Цицерона и римлян. В христианские средние века Августин описывал парадигму справедливой войны, в основном, с антипацифистских позиций.⁴ С тех пор теория справедливой войны использовалась для определения моральности условий ведения войны, а не для ее предотвращения. Но на заре христианской эры получил распространение и радикальный пацифистский взгляд, в соответствии с которым как участие в войне, так и ее нравственное оправдание были для верующих делом совершенно неприемлемым. Поиск истоков такого пацифизма приведет нас к Новому Завету и, в частности, к Нагорной проповеди («подставь другую щеку»). Однако в связи с варварскими вторжениями и христианизацией Римской империи после эпохи Константина, исторический фон во времена, в которые творил Августин, в значительной степени изменился.

¹ Традиционное различие между *jus ad bellum* и *jus in bello* подвергнуто критике в блистательной статье Джеффа Макмаона «Этика убийства на войне» (Jeff MacMahan, «The Ethics of Killing in War», *Ethics*, July 2004, vol. 114, i. 4.). Макмаон пытается доказать, что тот, кто вступает в войну несправедливо, не обладает теми же правами ведения войны, что и тот, кто вступает в неё праведно. В дальнейшем я не стану учитывать это тонкое возражение на традиционный тезис.

² *Just and Unjust Wars*, Basic Books, New York, 1992, 2nd ed.

³ Для Цицерона и в целом для римлян *bellum justum* – это война, объявленная по правилам; посему она и должна быть *bellum denuntiatum* и *indictum*.

⁴ Классические ссылки на Августина по теме справедливой войны почерпнуты из сочинения «О граде божием», кн. 19. Однако следует отметить, что Августин не писал специального трактата о войне, и что его знаменитые тезисы извлечены из разных мест сочинений, посвященных иным предметам. Что касается данного предмета, см.: R.A. Marcus, «Saint Augustine's View on Just War», *The Church and the War*, W.J. Sheils (ed.), Blackwell 1983. См. также: Paul Ramsey, «The Just War according to St Augustine», *Just War Theory*, Jean Berthke Elshtain (ed.), Blackwell, Oxford 1993, pp. 8-22. Впрочем, многие авторы согласны с тем, что теория справедливой войны разработана именно Августином. См.: *The New Catholic Encyclopedia*, McGraw Hill, New York, 1967, vol. 14, «Morality of War.»

На таком фоне Августин и создал свою теорию справедливой войны, представляющую собой набор условий, необходимых для того, чтобы сделать войну скорее морально приемлемой, нежели полностью неприемлемой. Прежде всего, конечной целью справедливой войны, по Августину, должен быть мир. Во-вторых, предметом справедливой войны является справедливость, основанная на искуплении грехов. И, наконец, христианский воин должен вдохновляться христовой любовью. Если тезису Августина придать радикальную форму, то идея справедливой войны очень легко может превратиться в нечто подобное призыву к крестовому походу или священной войне, ибо изложенные им условия справедливой войны в общих чертах совпадают с концепцией войны, навеянной христианской религиозностью и духом, царящим в сообществе верующих. Короче говоря, справедливая война, рассматриваемая под таким углом, не слишком отличается от современного джихада.⁵ Не удивительно поэтому, что на протяжении веков господствующее христианское мировоззрение стремилось ограничить такого рода толкования.

Отсюда постепенное введение теории справедливой войны в рамки закона, признаки чего уже ясно заметны у Фомы Аквинского, который в отношении евангельского наследия все более благоволил герменевтике естественного права и канонической правовой традиции.⁶

С этой точки зрения, теория справедливой войны, начиная с работ Фомы Аквинского, становится все более этичной и правовой и менее теологической, чем прежде. В сочинении *Quaestio 40 Summa Secunda Secundae* Аквинский называет три условия справедливой войны, а именно, наличие (1) соответствующих полномочий; (2) справедливого основания; и (3) праведной цели. Во-первых, есть соответствующие полномочия монарха, являющегося единственной стороной, у которой есть законное право прибегать к силе оружия; во-вторых, есть справедливое основание, в соответствии с которым меч должно вынимать из ножен в ответ на злодеяние, совершенное противной стороной; и, в-третьих, есть праведная цель, соответствующая теории глубинной добродетели и следования благу.⁷

Порядок расположения упомянутых критериев не случаен. Аквинский ставит на первое место наличие соответствующих полномочий, ибо совершенно определенно считает, что война не может быть морально оправданной без удовлетворения всех трех критериев, но все-таки отдает первенство законности верховной власти. При этом он делает основной упор на различие между частным и общественным аспектами войны, т.е. между *duellum*, с одной стороны, и *bellum*, с другой.⁸ Отсюда совершенно ясно, что мы с достаточным основанием можем задать себе дальнейшие вопросы, касающиеся справедливого основания и *intention recta*, только в том случае, если имеем дело с *bellum*, или с войной в собственном смысле.

Теоретическому посредничеству эпохи Просвещения мы обязаны появлением варианта теории справедливой войны, схожего с теорией Аквинского и жившего позднее Франциска де Витория,⁹ в которой еще сильнее подчеркивается роль закона в определении общего смысла

⁵ Беспристрастный анализ традиции джихада в сравнении с традицией справедливой войны содержится в книге: John Kelsay, *Islam and War; A Study in Comparative Ethics*, Westminster John Knox Press, 1993.

⁶ О справедливой войне, см.: Boyle, *op. cit.*, а также Rene Coste, *Theologie de la Paix*, CERF, Paris, 1997.

⁷ На эту тему, см.: Turner Johnson and Ramsey, *op.cit.*

⁸ О центральном месте концепции *auctoritas* в позиции Фомы (но также и Лютера), см.: James Turner Johnson, "Aquinas and Luther on War and Peace," *Journal of Religious Ethics*, 31, 1:3-20, 2003. По мнению автора, в свете концепции *auctoritas* разница между *bellum* и *duellum* в глазах Фомы имеет настолько принципиальное значение, что затмевает любое другое различие.

⁹ Важно подчеркнуть, что, по мнению Витория, оборонительная война не нуждается в особом нравственном оправдании. Перечисленные Фомой условия Витория дополнил положением о том, что войну следует начинать лишь в

нашего нравственного суждения о войне в сравнении с ролью теологии. Здесь мы встречаемся с теорией справедливой войны, истолкованной в качестве естественного закона Гроцием и Пуфендорфом. Однако этот вариант, который, как вполне очевидно, предвосхищает темную пору религиозных войн и последующее утверждение религиозного плюрализма, уже уводит нас за пределы эры классических теорий справедливой войны. Можно почти наглядно представить себе, как во время религиозных войн на одном конце спектра нравственных точек зрения на войну возобладали дух крестовых походов, который в качестве ответной реакции породил абсолютный пацифизм радикальных сект: от анабаптистов до квакеров. Просвещение вновь ввело моду на великую тему гуманности, то прославляя добродетель сострадания к тем, кто пострадал от войны (Вольтер), то прохаживаясь на счет воинских доблестей (Свифт). Наконец, это эпоха великих теоретических планов установления всеобщего мира, в которую творили такие выдающиеся философы как Руссо и Кант. Впрочем, здесь мы явно отошли на приличное расстояние от классических теорий справедливой войны.

4. В наше время нормативная политическая теория справедливой войны наследует многое из средневековой и естественно-законной традиции, но в более светской форме.¹⁰ Не подлежит сомнению, что классическая доктрина справедливой войны носит преимущественно моральный и религиозный характер, тогда как современная и сегодняшняя доктрина является типично *легалистской*.¹¹ В контексте классической доктрины справедливая война означает нечто похожее на войну, вписывающуюся в естественный или божественный порядок вещей. В контексте современной сегодняшней доктрины справедливая война – это в большей или меньшей степени синоним войны, поддающейся оправданию, то есть, войны, соответствующей данному этическому, политическому и правовому порядку. Следует проводить различие между современной доктриной справедливой войны и сегодняшней доктриной справедливой войны. Это различие имеет отношение к пределам так называемого политического реализма.¹² Типический реализм современной доктрины международных отношений состоит в отождествлении государства и народа и признании за ними суверенитета. В современной доктрине, любое выражение воли народа возможно не иначе, как на государственном уровне. В результате идея осуществления международного гуманитарного правосудия поддается распространению лишь на утопическом и субъективном

крайнем случае, и вести ее надлежащим образом. См.: *New Catholic Encyclopedia*, New York, McGraw-Hill 1967, "Morality of War" 803.

¹⁰ Здесь я использую термины классическая «доктрина» и современная сегодняшняя «доктрина», подразумеваемая под «доктриной» ряд теорий с общими базовыми предпосылками.

¹¹ Это не подразумевает, однако, легалистскую позицию тождественную правовому позитивизму, который, в частности, исповедуется Гансом Кельзенем. См.: H. Kelsen, *La dottrina pura del diritto*, Einaudi, Turin 1975.

¹² Классической работой в русле реалистической традиции считается Н. Дж. Моргентау, *Politics among Nations*, McGraw Hill 1948 (первое из нескольких изданий). Работы, в которых со знанием дела воспроизводится и совершенствуется реалистическая парадигма, суть следующие: J. Donnelly, "Twentieth-Century realism," in Mapel-Nardin, *Traditions of International Ethics*, Cambridge, Cambridge University Press, 1992; K. Waltz, "Realist Thought and Neo-realist Theory," in Charles W. Kegley junior (ed.), *Controversies in International Relations Theory*, 67-82; Keohane Robert O., "Institutional Theory and Realist Change," in D. Baldwin (ed.), *Neorealism and Neoliberalism*, Columbia University Press 1993, 269-300. См. также оригинальные интерпретации реализма у Н. Булл, *Justice in International Relations. 1983-84 Hagey Lectures*, University of Waterloo UP, pp. 1-34, и *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*, London: Macmillan, 1977; M. Walzer, "The Moral Standing of States. A Response to Four Critics," in Beitz, Cohen, Scanlon, Simmons, *International Ethics*, 1985, Princeton University Press, и "The Distribution of Membership," in Brown, Peter G., and Henry Shue (eds.), *Boundaries, National Autonomy, and Its Limits*, Totowa, NJ: Rowman & Littlefield, 1981.

уровне, что совсем не одно и то же, что уровень межгосударственного правосудия.¹³ Напротив, в сегодняшней теории политический реализм критикуется под углом зрения нормативного либерального подхода, вдохновленного различными этическими теориями, включая космополитизм и теорию реалистической утопии (Роулз).

5. В легалистской парадигме справедливая война совпадает с оборонительной войной. Концепция справедливой войны как войны оборонительной принадлежит, в частности, католической доктрине 20-го века,¹⁴ хотя и выходит далеко за ее рамки, будучи составной частью не только религиозных и теологических теорий, но также теории права, морально-политической философии и Устава ООН.¹⁵

В контексте сегодняшнего варианта легалистской парадигмы догмат национального суверенитета, вытекающий из ее современного варианта, подвергается отрицанию во имя общих интересов мира и справедливости.¹⁶ При подобных событиях так называемое право на вмешательство является ответом на нарушение международного порядка государствами или группами лиц. Такое вмешательство обосновывается необходимостью обороны, но не обязательно в рамках двухвалентной модели, т.е. простейшей ситуации, когда одно государство нападает на другое и последнее себя защищает – и не обязательно в пределах полного соблюдения суверенитета, как того потребовал бы современный вариант.

Классическая двухвалентная ситуация (нападающее государство против обороняющегося) способно претерпеть ряд изменений. В борьбе с терроризмом, например, государство может совершить нападение на группу вооруженных лиц, не являющуюся государством. Приняв решение о начале превентивной войны, государство с полным правом намеревается напасть на другое государство, хотя и не подвергалось нападению само, на том основании, что противоположная сторона готовится к наступлению. Наконец, государство или группа лиц могут нарушать основополагающие права граждан или групп населения, и это способно послужить причиной санкционированного вмешательства. Все эти ситуации характеризуются как «косвенные» по отношению к простому двухвалентному случаю, когда одно государство нападает на другое, а то себя защищает.

Случай гуманитарной интервенции предполагает наличие косвенной ситуации.¹⁷ Можно определить эту разновидность интервенции как ряд (в основном, экономических, правовых и

¹³ Недавно эта идея была заново сформулирована у Thomas Nagel, "The Problem of Global Justice," *Philosophy and Public Affairs*, 33 (2), 2005.

¹⁴ См.: Папскую энциклику *Gaudium et Spes* («Радость и надежда»), в которой в наиболее полном виде представлена католическая доктрина, принятая на Втором Ватиканском соборе. В пункте 82 энциклики тема *auctoritas* также связывается с темой всемирного владычества, которое, как полагают, до сих пор не установлено. В современной Католической церкви упор на оборонительный характер войны сделан в катехизисе. Философское изложение католического учения о справедливой войне можно найти у John Finnis, "The Ethics of War and Peace in the Catholic Just War Tradition," in T. Nardin (ed.), *The Ethics of War and Peace: Religious and Secular Perspectives*, Princeton University Press 1996.

¹⁵ Из общего правила Устава ООН, налагающего запрет на применение силы, имеется два исключения: сила может использоваться с согласия Совета безопасности (статья 24) и при самообороне (статья 51).

¹⁶ В этой связи часто упоминаются «квази-государства» или «несостоявшиеся государства». Отдельную проблему составляет проведение различия между ограничением суверенитета на основании благовидных предлогов и фактическими нарушениями суверенитета.

¹⁷ См.: M.J. Smith, "Humanitarian Intervention," *Ethics and International Affairs*, vol. 12, spring 1998; Nicholas Wheeler, *Saving Strangers: Humanitarian Intervention in International Society*, Oxford University Press 2000; Fernando Tesón, *Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality*, Dobbs Ferry, New York 1977 (second edition); Holzreife and Kohane (eds.), *Humanitarian Intervention: Ethical, Legal and Political Dimensions*, Cambridge University Press 2003.

юридических) санкций, включающих и возможность вооруженного конфликта, которые предпринимаются одним государством или группой государств против других всякий раз, когда последние считаются неспособными соблюдать известные международные обязательства по обеспечению мира и безопасности. Этот тип интервенции нарушает суверенитет подвергшихся нападению субъектов, но те, кто ее совершает, приводят веские основания, которые, по их мнению, перевешивают необходимость соблюдения права на самоопределение государств. В число таких оснований входят серьезные и систематические нарушения основополагающих прав человека, которые интервенция призвана устранить. В случае серьезных и систематических нарушений прав человека, концепцию обороны, лежащую в основании идеи справедливой войны, следует толковать расширенно.

Переходя от сегодняшнего к современному варианту легалистской парадигмы, можно утверждать, что серьезные и систематические нарушения прав человека диктуют необходимость защиты от преступления, совершаемого не против отдельного государства, а против представителей человеческого рода в целом. В данном контексте справедливая война означает войну оборонительную и в строгом, и в широком смысле слова. «Оборонительная война» в широком смысле означает, что она соответствует современному варианту легалистской парадигмы, а в контексте того, что я назвал косвенной ситуацией, она справедлива и в виде гуманитарной интервенции. При этом я избегаю споров (которые, по-видимому, имеют какое-то значение применительно к доктрине справедливой войны) относительно существования (морального) права на гуманитарную интервенцию. Ограничусь тем, что скажу следующее: даже заняв позицию, которая при известных обстоятельствах принимает перспективу (вооруженной) гуманитарной интервенции, следует полагать, что не все войны одинаковы, ибо одни, в принципе, оправдать можно, а другие никак нельзя. Наконец, необходимо отметить, что оправдание всегда согласуется с легалистской презумпцией, связывающей его с обороной, но что – как я уже указывал – защита есть акт не только государства, подвергшегося нападению со стороны другого государства, но также и то, к чему можно призвать перед лицом надлежащим образом квалифицированного нарушения прав человека.

6. Наиболее очевидная проблема гуманитарной интервенции вытекает из противоречия между наличием суверенитета у отдельных государств и желанием защитить права человека в тех случаях, когда эти права подвергаются серьезной и систематической опасности, даже если это подразумевает необходимость пойти против воли тех государств, где имеют место данные нарушения.

Споры относительно гуманитарной интервенции вращаются вокруг двух разных вопросов: «есть ли вообще нечто, называемое гуманитарной интервенцией, и при каких обстоятельствах ее можно считать оправданной?» и «кто имеет право санкционировать такую интервенцию»? Ответы можно получить разные – в зависимости от приверженности тем или иным теориям. Одни придерживаются строго правового подхода и ставят решение об интервенции в полную зависимость от (например) санкции Совета безопасности ООН. Другие утверждают, что международная безопасность дороже какого-то там суверенитета. Учитывая то, что в рамках существующей реальности строгая законность приемлемым критерием не представляется, упомянутые споры увязаны с теорией справедливой войны.

Пытаясь суммировать критерии оправдания гуманитарной интервенции, Международная академия мира выделила следующие принципы: серьезность нарушения, срочность, объективность, приемлемость, осуществимость, пропорциональность планируемых мер и долговечность. В целом, масштаб преступлений, совершающихся в стране, в дела которой необходимо вмешаться, оценивается по определенной шкале: должны наличествовать серьезные нарушения прав человека со стороны правительства или, по крайней мере, серьезные нарушения, происходящие в масштабе всей страны, чье правительство не в состоянии навести минимальный порядок. Кроме того, участники интервенции не должны преследовать политические цели или поддерживать какую-либо из сторон, а миротворческую операцию следует осуществлять на многосторонней основе с должным образом прописанным мандатом. Наконец, целесообразность военной интервенции с гуманитарной целью следует рассматривать только в крайнем случае, когда для пресечения преступлений уже использованы все возможные мирные средства. При этом необходимо учитывать критерий соразмерности ущерба и стоимости интервенции, как при нормальном конвенционалистском вычислении соотношения между рисками и человеческими и материальными издержками, с одной стороны, и ожидаемым результатом, с другой.

7. *Prima facie*, справедливая война, т.е. такая война, которую можно оправдать, есть, в свете расширенной концепции обороны, которая временами включает в себя и гуманитарные интервенции, прежде всего война оборонительная. Мой тезис состоит в том, что данного основания, каким бы очевидным оно ни было, не достаточно для того, чтобы надлежащим образом различать справедливые и несправедливые войны (и интервенции). И в самом деле, такого рода доказательство, хотя и говорит нам кое-что о справедливости цели, которая должна быть оборонительного свойства и в строгом, и в широком смысле, равным счетом ничего не говорит о тех, кто имеет права на интервенцию. Современная и сегодняшняя теория справедливой войны часто обращается ко второму пункту томистского варианта теории справедливой войны, а именно к проблеме *iuxta causa*, и в то же время совсем не замечает ее первого пункта, то есть настоящего требования относительно присутствия соответствующей *auctoritas*. (Само собой разумеется, что в строгом смысле слова *auctoritas* и «обладание правом» не являются синонимами. Здесь использование этих терминов несколько натянуто: *auctoritas* и «обладание правом» приводятся в качестве синонимов исключительно в целях рассуждения.) Наличие такой лакуны становится более понятным, если принять во внимание то, что проблема обладания правом или, если угодно, должным образом переформатированная проблема *auctoritas*, не является актуальной для стандартной двухвалентной ситуации, а именно при обороне в строгом смысле слова. Если государство А нападает на государство Б, то у государства Б обычно имеется справедливое основание и право на самооборону. Но в косвенных случаях это не так. Так кто же имеет право на вмешательство в данных обстоятельствах и на основании каких причин?¹⁸

¹⁸ Тенденциозное отсутствие интереса к этой проблеме становится очевидным при знакомстве с работами таких американских неоконсервативных авторов, как Роберт Каган и Уильям Кристол, которые заявляют в начале совместно написанной статьи: «Критики войны (и администрации Буша) прицепились к тому, что ей так и не удалось найти в Ираке склады с оружием массового поражения. Но хотя предполагаемое наличие такого оружия и было важной составной частью аргументации в пользу устранения Саддама, сам рассматриваемый предмет значительно шире. Стремление Саддама заполучить оружие массового поражения было неразрывно связано с природой его тиранического режима...». Таков их ответ на ранее поставленный ими же вопрос: «Что есть право войны»? Нет сомнения в том, что

Мой тезис состоит в том, что современные теории справедливой войны не учитывают должным образом необходимость легитимации правомочия (а это своего рода современный родственник томистской *auctoritas*) и по этой причине не пригодны для того, чтобы дать ответ на самые важные наши вопросы.

Здесь я предлагаю принять во внимание различие между оправданием и легитимацией, о необходимости проведения которого я уже несколько раз заявлял в своих работах. Мой тезис заключается в том, что современные теории справедливой войны недооценивают важность наличия легитимации (и правомочия) и по этой причине не пригодны для того, чтобы дать ответ на самые важные наши вопросы. Продолжая параллель с теорией Фомы Аквинского, можно приблизительно приравнять оправдание к *iuxta causa*, а легитимацию к *auctoritas* (хотя Аквинский использует термин *auctoritas* в ином и более узком значении, которое обычно относится к суверенитету ведущего войну государства¹⁹).

На этом этапе мы уже вправе предложить собственно философское различие между оправданием и легитимацией. Очень часто в политической философии эти две концепции разграничиваются недостаточно чётко и в результате их считают взаимозаменяемыми. Постулируется либо то, что необходимым следствием твердого оправдания является последующая (с логической точки зрения) легитимация, либо то, что легитимация означает осуществление власти на основании ранее узаконенных полномочий. Но, на мой взгляд, между этими двумя концепциями, напротив, имеется существенное различие. Такое различие введено Джоном Локком, притом способом, который можно считать образцовым, хотя он и не прибегал к терминам «оправдание» и «легитимация». Грубо говоря, государство оправдано в своих действиях, если соблюдает права человека, а легитимацией оно обладает, если заручается согласием граждан. Далее я буду свободно оперировать различием между этими двумя локковыми концепциями, оставляя в стороне специфические термины «права человека» и «согласие» и распространяя само различие с уровня государства на уровень каждой организации и практики. В рамках этой более обширной перспективы легитимация зависит от точки зрения на рассматриваемый процесс, как, например, на отдачу голосов в демократическом государстве или на рынок в экономике; ей присущи типично эмпирический аспект и направление *снизу вверх* (если она исходит от общества). Оправдание, напротив, зависит от точки зрения, не относящейся к рассматриваемому процессу; оно имеет, по сути, теоретическую природу и направление *сверху вниз* (от экспертов к обществу). Если первая материальна, то последнее идеально, либо виртуально. Легитимация – это своеобразный процесс ратификации: в известных случаях исход выборов легитимирует избранного кандидата. Оправдание же оценивает результаты избирательной процедуры как бы снаружи: в аналогичных случаях нам могут сказать, что кандидат, вне зависимости от получения легитимации, не соответствует критериям справедливости и честности, которых требует

Саддам, возможно, и был неправ, но США не Господь Бог и не имели права наказывать провинившегося правителя. (См.: R. Kagan and W. Kristol, "The Right War for the Right Reasons," *Weekly Standard*, February 23, 2004).

Схожее отсутствие интереса к праву США на ведение войны в Ираке обнаруживается в статье Яна Нарверсона «Смена режима: казус Ирака» (Jan Narverson, "Regime Change: the Case of Iraq," Thomas Cushman (ed.), *A Matter of Principle*, University of California Press 2005, pp. 57-75), в которой он задаётся вопросом, а может ли наличие возможности для смены режима служить достаточным основанием для начала войны. Однако независимо от того, как мы отвечаем на этот вопрос, представляется очевидным, что должна существовать некая легитимирующая процедура, которая позволит ниспровергателью режимов действовать с общего согласия.

¹⁹ Однако в своем уже ставшим классическим исследовании на эту тему Джеймс Тернер Джонсон соглашается с мыслью о том, что то, что для Аквинского было государственным суверенитетом, стало – говоря языком современной доктрины – международным консенсусом. См.: James Turner Johnson, *Morality and Contemporary Warfare*, cit., p. 32.

должность, на которую он или она были избраны. Если говорить о международной войне, что мы и делаем в данном случае, то мы, например, знаем, что исход голосования в ООН может явиться важным фактором легитимации конфликта. Однако, независимо от голосования в ООН, данная война может оказаться, так сказать, несправедливой по своей сути, если в ее ходе нарушаются права человека или если она ведется с бессмысленной жестокостью.

Для наших целей достаточно сказать, что оправдание идеально и универсально, тогда как легитимация имеет эмпирический характер и основана на консенсусе. Выражаясь на языке современной политической философии, я использую оправдание субстантивным, а легитимацию процедурным образом. Понятно, что при этом я творю насилие над терминами, учитывая, что различие между концепциями более тонко, чем здесь у меня представлено. Но насилие над терминами необходимо для целей рассуждения, а концептуальное различие между оправданием и легитимацией остается, тем не менее, существенным. Если различие действительно, то можно говорить о том, что мой вариант подразумевает определенную степень взаимодополняемости оправдания и легитимации: чтобы война была справедливой, для нее должно быть и справедливое основание и правомочие.

Но давайте вернемся к нашей главной проблеме. Мы говорили, что согласие ООН может быть использовано в качестве благовидного предлога для легитимации войны. Если рассмотреть процесс легитимации в более общем смысле и связать таковой с его процедурными и консенсусными аспектами, то можно сказать, что многостороннее согласие и применение соответствующей процедуры составляют *prima facie* добротную предпосылку легитимации гуманитарной интервенции (принимая данную косвенную ситуацию в качестве модели). Все это дополняет положения международного права и современные международные традиции. С эмпирической точки зрения, это подменяет консенсус всего человечества (который совершенно недостижим в действительности) относительно грубых нарушений гуманитарных прав. Подмена же происходит во многом аналогично тому, как волеизъявление большинства в демократическом государстве в иных случаях подменяет собой волю всех граждан.

8. На данном этапе можно было бы рассмотреть еще одно различие, на которое, по моему мнению, следует обратить внимание, даже если в данном контексте оно играет всего лишь вспомогательную роль. Я имею в виду различие между легитимацией и законностью. Хотя законность и легитимация связаны между собой, они не одно и то же. Законность гуманитарной интервенции предполагает применение упорядоченной процедуры, которая в случае вооруженных конфликтов, как правило, сопровождается голосованием в Совете безопасности ООН в пользу такой интервенции. Однако юридические процедуры не обязательно должны являться единственным способом ее легитимации, особенно учитывая то, как Совет безопасности работает в условиях, когда некоторые государства (такие как Россия и США) систематически налагают вето на неудобные им акции. Кроме того, стоит отметить, что в прошлом успех сопутствовал лишь очень немногим гуманитарным интервенциям, таким как интервенция Индии в Пакистане и Вьетнама в Камбодже, да и те проводились вне всякой связи с механизмом ООН. Иной раз срочность проблемы может потребовать немедленного вмешательства при полном отсутствии времени на проведение всех необходимых процедур. В таких случаях интервенция может считаться легитимной, хотя, строго говоря, является незаконной. Таково же было мнение авторитетных международных агентств и относительно интервенции в Косово – мнение, которое, учитывая все обстоятельства, не вступает в

противоречие с нашей теорией (по Косово имелось единодушное волеизъявление всех стран-членов НАТО и согласие стран региона, пострадавших от конфликта).

Другими словами, хотя законность и легитимация связаны между собой, они не одно и то же. Ввиду того, что легитимация – не синоним законности и в любом случае предполагает следование определенным процедурам, можно утверждать, что легитимация гуманитарной интервенции не должна отделяться от конкретных исторических обстоятельств, в которых эта интервенция происходит. Учитывая существование сильного предубеждения против применения силы и всеобщего согласия о необходимости уважения национального суверенитета государств, легитимация гуманитарной интервенции требует величайшей осмотрительности.

В Статье 6 и Статье 7 Устава ООН прописаны действенные меры по разрешению международных конфликтов, но вряд ли в рамках этих процедур имеется возможность для отмены принципа уважения государственного суверенитета. Каковы исторические обстоятельства, при которых его действие все-таки может быть приостановлено? Основанием для интервенции, без всякого сомнения, могут быть серьезные нарушения так называемого «гуманитарного права». Например, геноцид. Явно более проблематичной является интервенция в защиту прав человека или демократического политического режима.²⁰ Но даже в этих случаях и при соблюдении постулата осмотрительности оснований для интервенции имеется достаточно.

Международная практика и наличие мощных международных организаций – таких, как НАТО в случае Косово – являются важными факторами упрочения легитимации в случае, когда законность интервенции находится под вопросом. Как правило, государство обретает ее перед лицом начавшегося или планируемого нападения со стороны другого государства или организованной группы лиц или появления угрозы принципам, гарантирующим защиту человеческой жизни и неприкосновенности личности. Однако в первом случае легитимация является непосредственной, а во втором необходимыми требованиями являются характеристика исторических обстоятельств и способность представлять потерпевшую сторону (человечество в целом).

9. Предлагаемая гипотеза может подвергнуться внешне убедительной критике, особенно в следующих пунктах:

- (i) Нельзя говорить о единичном оправдании, основанном на теории справедливой войны. Может существовать несколько разных оправданий, и это обстоятельство значительно осложняет общую картину. В особенности это относится к ситуации, когда на кону стоят права человека, так как следует иметь в виду, что в рамках разных этико-политических концепций предлагаются разные взгляды на проблему прав человека. Все это еще более осложняется перспективой того, что приверженцы разных культур могут по-разному трактовать права человека.
- (ii) Реально существующие процедуры легитимации в большинстве своём несовершенны и обусловлены историческими факторами. Достаточно ознакомиться, например, с тем, как действует механизм ООН, начиная с взаимоотношений между Генеральной Ассамблеей и Советом безопасности. Дело здесь не только в том, что внутренние

²⁰ См. документ ICISS под названием “The Responsibility to Protect” <http://www.responsibilitytoprotect.org/>.

силовые соотношения оказывают определяющее воздействие на юридические процедуры, но также и в том, что эти соотношения часто не соответствуют реальной ситуации в современном мире.

Мне известно об этих ограничениях. Более того, о них вполне недвусмысленно говорится в предлагаемом здесь варианте теории справедливой войны. С другой стороны, в случае теории справедливой войны всякое чисто теоретическое воззрение должно уступить место казуистической концепции. Другими словами, чем более приближаешься к сути проблемы, тем более историческая запутанность предмета торжествует над теоретической упрощённостью модели.

10. Перейдем к анализу вторжения США в Ирак в 2003 г. Признание теории справедливой войны в качестве общей точки зрения, вмещающей и индивидуальные теоретические позиции, помогает в какой-то мере разрешить первую проблему. Хотя все войны одинаково отвратительны, они все-таки не похожи одна на другую, и мы можем проводить между ними различия. В то время как одни войны явно неприемлемы с нравственной точки зрения, некоторые другие имеют под собой справедливые основания, требующие к себе серьезного отношения. На мой взгляд, с помощью различий в оправдании и легитимации удастся разрешить вторую и более специфическую проблему. Саддам действительно допускал чудовищные нарушения прав человека, и США допустили ошибку, не став апеллировать к ним в качестве причины для начала войны.²¹ Однако, насколько нам известно, он не угрожал непосредственно миру и безопасности Соединенных Штатов. Поэтому одностороннее нападение США на Ирак было неприемлемым с точки зрения легитимации, хотя в случае американского вторжения в Афганистан, когда было установлено, что там находятся базы Аль-Каиды, дело обстояло иначе. Другими словами, *война против саддамовского Ирака, может быть и была оправдана, но у США отсутствовала легитимация для ее ведения.* Действительно, США начали войну в одностороннем порядке, не имея на то веских правомочий. Справедливые основания выступить против Саддама и в самом деле были, но США не имели на это права. (Наличие справедливых оснований сегодня оспаривается. Известные нам крупные нарушения прав человека Саддамом, например, действия против курдского и шиитского населения, относятся к 1991-1992 годам. То есть, они были совершены за десять лет до вторжения 2003 г. А это может поставить под вопрос не только легитимацию вторжения 2003 года, но также его справедливость.)

²¹ Из документов «Стратегии национальной безопасности» США мы знаем, что заявленной целью операции было не допустить использования Ираком оружия массового поражения, существование которого, впрочем, так и не было доказано. В этих документах говорится: «Во время войны в Персидском заливе мы получили неопровержимые доказательства того, что замыслы Ирака не ограничивались обладанием химическим оружием, которое уже было использовано им против Ирана и своего собственного народа, но также включали в себя приобретение ядерного оружия и боевых биологических веществ... Мы должны быть готовы остановить государства-изгои и их клиентов-террористов прежде, чем те обретут способность угрожать Соединенным Штатам и их друзьям и союзникам использованием оружия массового поражения. ... Наша всесторонняя стратегия по борьбе с ОМП включает: *Упреждающие действия по воспрепятствованию распространения ОМП.* Мы должны предотвратить угрозу, защититься от нее до того, как она станет реальностью. Мы должны обеспечить включение основных средств противодействия – средств обнаружения, активной и пассивной обороны, потенциала контрсилового удара – в планы оборонных преобразований и систему национальной безопасности. Кроме того, противодействие распространению ОМП должно стать частью доктрины и действий по обучению и оснащению войск США и их союзников с целью обеспечения их превосходства в любом конфликте с вооруженным ОМП противником». См.: George W. Bush, *The National Security Strategy of the United States of America*, Washington, The White House 2002, p. 15. <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.html>

В заключение следует сказать следующее. Весьма странно, что такой самоочевидный вопрос, как легитимация и правомочие на ведение войны активно не поднимался до сих пор. Это тем более странно, что первый и существенный шаг в этом направлении сделан еще Фомой Аквинским.²² По этой причине я считаю, что нам следует вернуться назад и трактовать справедливость или несправедливость войн в том же духе, что и Аквинский. Как я уже указывал, одним из его побуждений было предотвратить превращение справедливой войны в священную, то есть, в крестовый поход. Здесь мы уже можем утверждать, что крестовый поход - есть не что иное как война, в которой важна только цель, а не одобренные свыше полномочия, и в которой единственным помыслом является оправдание, а не легитимация. Ведь администрация Буша-младшего совершила в Ираке нечто подобное тому, чего боялся Аквинский: она попыталась превратить войну в крестовый поход. То, что я хочу доказать в своей работе, совпадает с позицией неприятия такого подхода. Но это неприятие, в отличие от позиции пацифистов и реалистов, не избегает дискуссии о ценностях, а, напротив, стремится ее поощрять. В глазах крайних пацифистов Буш был неправ, как неправ всякий воюющий. По мнению реалистов, Буш ни неправ, ни прав, ибо он сделал то, что на его месте сделал бы любой другой суверен самого могущественного государства в мире, а именно: то, что заблагорассудится. В противоположность этим мнениям, я считаю более интересным утверждать – как я уже утверждал на этих страницах – что, даже принимая всерьез теорию справедливой войны, теорию, которая оправдывает войну с нравственной точки зрения, мы не можем найти оправдания американской войне в Ираке.

Об авторе:

Себастьяно Маффеттоне, декан факультета политологии и профессор политической философии в Университете LUISS Guido Carli, г. Рим.

²² Автор сомневается в уместности здесь схожего мнения и упоминает его лишь для того, чтобы провести идеальную параллель. В действительности, насколько нам известно, Фома в итоге одобрил современные ему крестовые походы, хотя, как мне думается, и был ими встревожен в теоретическом и практическом плане, как это видно из того, что изложено в данной статье.